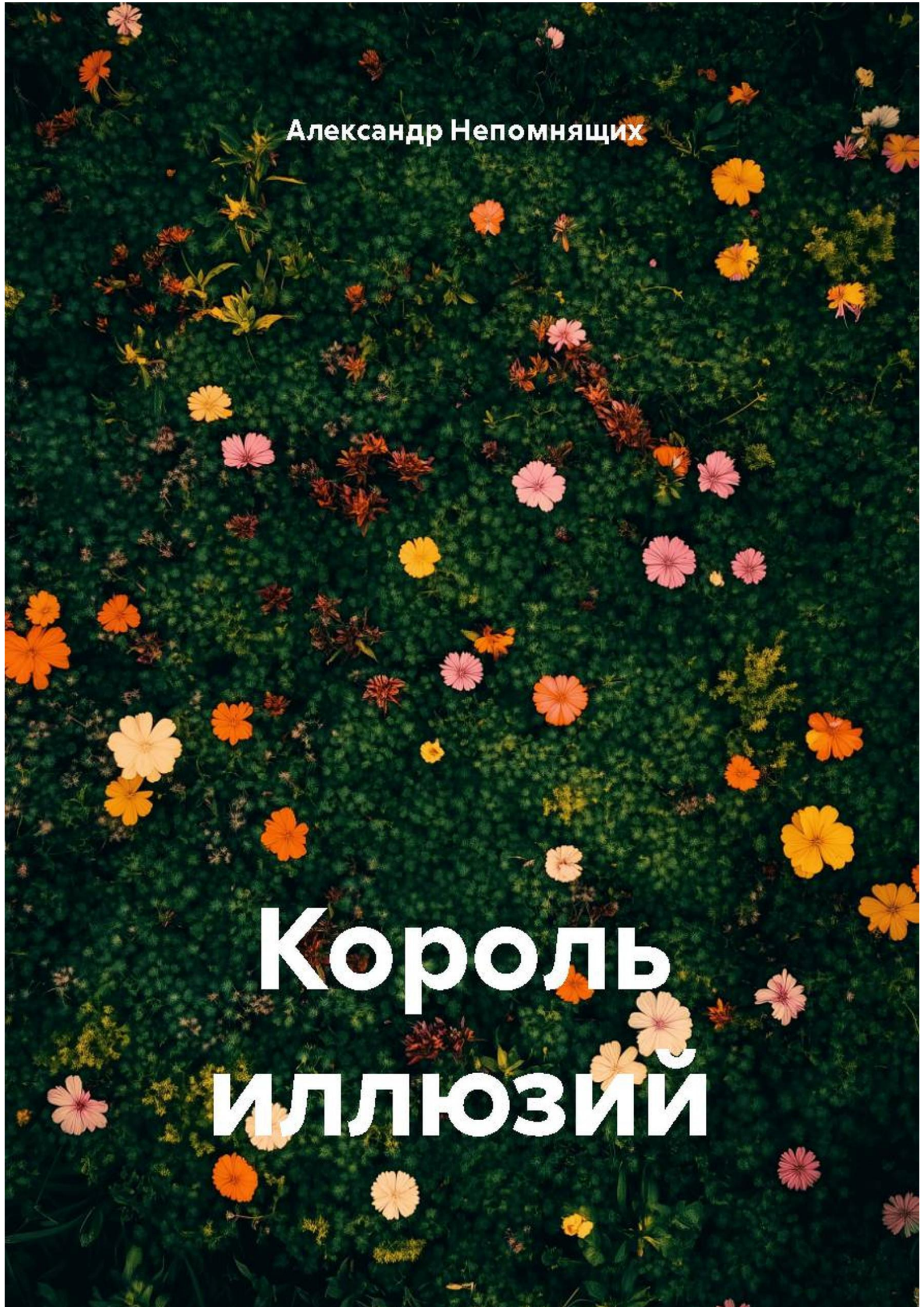

Александр Непомнящих

Король иллюзий

Александр Непомнящих

Король иллюзий

«Автор»

2026

Непомнящих А.

Король иллюзий / А. Непомнящих — «Автор», 2026

Исторический Вениамин Вайсман действовал не в эпоху глухого железного занавеса и дефицита 1970-х годов, а в 1946–1947 годах, в период послевоенной разрухи. Его главной маской был не иностранный дипломат или родственник-эмигрант, а инвалид Великой Отечественной войны, дважды лжеГерой Советского Союза. Он играл не на жажде эмиграции, а на послевоенной сентиментальности, бюрократической неразберихе и священном трепете советских чиновников перед фронтовиками. Тем не менее, его криминальная биография полна абсурда, иронии и поистине кинематографичных поворотов. Вот основные громкие дела, связанные с его именем.

© Непомнящих А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Король иллюзий

Глава

*Исторический Вениамин Вайсман действовал не в эпоху глухого железного занавеса и дефицита 1970-х годов, а в **1946–1947 годах**, в период послевоенной разрухи.*

*Его главной маской был не иностранный дипломат или родственник-эмигрант, а **инвалид Великой Отечественной войны**, дважды лжеГерой Советского Союза. Он играл не на жажде эмиграции, а на послевоенной сентиментальности, бюрократической неразберихе и священном трепете советских чиновников перед фронтовиками.*

Тем не менее, его криминальная биография полна абсурда, иронии и поистине кинематографичных поворотов. Вот основные громкие дела, связанные с его именем.

Дело о побеге и «легендарном увечье» (1944 год)

Часть 1. Дело о побеге и «легендарном увечье» (1944 год)

Мороз в Коми зимой — это не просто погодное явление. Это, я бы сказал, философская категория. Сорок градусов ниже нуля — это когда мысль в голове замерзает быстрее, чем чернила в авторучке, а совесть, если она у кого-то и водилась, примерзает к ребрам, чтобы не мешать выживать.

Февраль сорок четвертого. Печорский исправительно-трудовой лагерь. Колючая проволока, увенчанная шапками снега, выглядела вполне декоративно, если не думать о том, что по ту сторону этой проволоки жизнь короткая, а по эту — длинная и очень скучная.

Вениамин Борисович Вайсман, известный в узких воровских кругах как Веня Житомирский, сидел на нарах и думал. Думал он не о высоком, не о судьбах родины и не о грядущей победе над немецким агрессором. Веня думал о том, как невыносимо, пошло и неэстетично он живет.

Вениамин был человеком города. Его стихией были переполненные московские трамваи, киевские рынки, мягкие пальто доверчивых граждан и тяжелые портмоне. Он был «щипачом», виртуозом своего дела, человеком, который мог снять с пассажира часы, пока тот читал газету «Правда» передовицу о перевыполнении плана. Но судьба, эта капризная дама, забросила его на Север. Девять побегов, девять возвращений. Лагерь его не ломал, лагерь его просто бесконечно утомлял.

— Слышь, Житомирский, — прошипел сквозь зубы сосед по нарам, бывший интендант, а ныне рецидивист Костыль. — Начальство опять пайку урезало. Котелок жидкий, как слеза комсомолки на комсомоле.

Веня лениво повернул ложкой в алюминиевой миске. В миске плавало нечто, отдаленно напоминающее капустный суп, но обладающее вкусом мокрого картона.

— Костыль, — тихо и интеллигентно произнес Веня, — ты когда-нибудь задумывался, почему в нашей стране всегда не хватает то мяса, то сахара, то элементарного уважения к человеку?

— Потому что война, дурак, — отозвался Костыль.

— Нет, — покачал головой Веня. — Потому что бюрократия. Вот ты видел сегодня нашего лейтенанта охраны, товарища Смирнова?

— Видел. Что он?

— Он три часа сидел в канцелярии и сверял списки этапированных. У него там в графе «фамилия» написано «Вайсман», а в графе «статья» — «7-я». А по факту я сижу за «116-

ю». Он из-за этой ошибки в двух копиях третий день не может мне подписать разрешение на передачу.

Костыль хмыкнул. — И что?

— А то, — Веня улыбнулся тонкой, почти неуловимой улыбкой, — что если товарищ Смирнов сегодня вечером пойдет в баню, а я пойду в сторону тайги, то в списках меня не хватит. А если не хватит в списках, значит, я не сбежал. Я просто отсутствую в природе. Бюрократический казус.

Костыль посмотрел на него как на сумасшедшего. — Ты сдурел? Там же волкодав! Сорок мороза! Ты же окочуришься к утру!

— Костыль, — вздохнул Веня, — лучше оконечить в тайге, чем свариться в этом капустном отваре. Я городской человек. Мне снег не идет.

Побег состоялся в среду, в сумерки. Лейтенант Смирнов, как и предсказывал Веня, отправился в баню, прихватив с собой пол-литра спирта, добытого у вольнонаемного бухгалтера. Смена караула прошла с традиционной для того времени неразберихой: сержант Петров ругался с ефрейтором Сидоровым из-за того, кто кому должен три рубля за махорку, и в этот самый момент, в слепящем вихре снежной бури, фигура в ватнике просто растворилась в беле-сой мгле.

Никто не стрелял. Никто не кричал. Система давала сбой, и этот сбой был прекрасен.

Но эйфория от обмана системы длилась ровно до тех пор, пока Веня не понял, что заблудился.

Тайга в феврале — это не лес. Это белый ад. Деревья стояли черными, молчаливыми свечами, а ветер выл так, словно оплакивал всех, кто посмел бросить вызов советской природе. Веня шел наугад, надеясь выйти на железную дорогу. Ноги, эти верные спутницы городского бродяги, сначала болели, потом ныли, а к полуночи просто перестали существовать. Он уже не чувствовал их. Он шел на каких-то внутренних, чисто духовных шарнирах.

Когда рассвело, Веня упал в сугроб. Он понял, что умирает. И самое обидное было не в том, что умирает. А в том, что умирает он совершенно непонятно за что. Не за идею, не за родину, а просто потому, что не смог вовремя украсть чужой паспорт и уехать в Ташкент.

— Эх, Житомирский, — прошептал он в пустоту, чувствуя, как холодная дрема обнимает его за плечи. — Не было бы у тебя таланта, был бы ты сейчас в Москве, в ресторане «Арагви»...

Очнулся он от запаха карболки, хлорки и вареной капусты. Этот запах был для него надежнее любого компаса. Он был в больнице.

Вениамин открыл глаза. Над ним склонился человек в белом халате, с усталым, землистым лицом и глубокими морщинами вокруг рта. Это был доктор Сергей Игнатьевич, главный хирург местного эвакогоспиталя, человек, который за последние три года провел сотни операций и спас больше жизней, чем иной генерал выиграл боев.

— Жив, — констатировал доктор, скорее для себя, чем для пациента. — Ну ты, гражданин, даешь. Тебя в лесу-то как нашли? Оленеводы. Ты уже синий был...

Веня попытался приподняться, но не смог. Точнее, его тело приподнялось, а вот нижняя его часть осталась лежать. Он посмотрел вниз. Одеяло было плоским там, где должны были колени.

— Доктор, — хрипло произнес Веня, сглатывая ком в горле. — А где... где мои...

— Где ноги? — спокойно перебил хирург, вытирая руки полотенцем. — Ноги, Вениамин Борисович, пришлось ампутировать. Обе. Выше колена. И мизинец на левой руке — некроз.

Гангрена, батенька. Я спас вам жизнь, а вы мне за это должны... ну, хотя бы тем, что не будете ныть.

Веня закрыл глаза. Мир рухнул. Карманы, трамваи, рестораны, красивые женщины, мягкие пальто — всё это теперь было по ту сторону невидимой стены. Он стал инвалидом. В стране, которая только что начала подниматься из руин, инвалид был обузой.

— А документы? — тихо спросил Веня. — Мне какие документы дадут?

Доктор усмехнулся. — Какие положены. Справку об инвалидности. Первая группа. Вы же у нас кто? Фронтовик?

— Я? — Веня открыл глаза. — Я... я в танке горел. Под Киевом. В сорок первом.

Доктор посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этом взгляде не было осуждения. В нем была только бесконечная, всепонимающая усталость человека, который видел слишком много лжи и слишком много настоящей боли.

— Ладно, — сказал доктор. — Пиши в анкете что хочешь. Мне сейчас не до твоих легенд. У меня в палате на двадцать коек тридцать раненых, а завхоз опять «потерял» на складах две партии бинтов и йоду. Говорит, на обмен пошел, к колхозникам, на сало. Бюрократия, понимаешь ли. Справку подпишем. Тебе теперь положено. Государство позаботится.

Государство позаботилось. Через месяц Веню перевели в дом инвалидов в соседней области. Но прежде, чем туда попасть, он провел две недели в палате для тяжелораненых.

И именно там, лежа на спине и глядя в побеленный потолок, Вениамин Вайсман прошел свою главную трансформацию. Он наблюдал. Он, прирожденный актер и психолог, смотрел, как работает система.

В палату часто заходил майор интендантской службы, у которого была контузия и легкое ранение в плечо. Майор был громким, наглым, требовал к себе особого отношения, ел белых хлеб, пил молоко из личных запасков и постоянно жаловался на то, как тяжело ему, герою, дышать одним легким. Медсестры бегали вокруг него, врачи заискивали, а начальство госпиталя выделяло ему лучшие продукты из спецпайка.

Однажды вечером, когда майор в очередной раз громко требовал принести ему еще и папирос «Казбек», Веня, лежавший на соседней койке, тихо сказал сиделке:

— Тетка Даша, а почему это ему Казбек, а мне Беломор? Я ведь, считай, два раза герой. Я под Берлином танк спасал.

Сиделка Даша, добрая русская женщина с тяжелыми, отработавшими тридцать лет в госпиталях руками, вздохнула и подошла к Вениной койке.

— Эх, Венечка, — сказала она, поправляя ему подушку. — Ты не расстраивайся. Тебе-то Бог дал, а майору-то люди. Ты безногий, тебе и так тяжело, а ему без папирос вообще никак. Держи, я тебе из его пачки две штуки стянула.

Веня взял папиросу. Рука его дрожала. Но не от слабости. От озарения.

Он понял. Он понял всё.

В этой огромной, великой, но немного неповоротливой стране, где каждый винтик старался казаться больше, чем он есть, где бумага часто была важнее человека, а мундир закрывал любые грехи, безногий инвалид с двумя медалями «Золотая Звезда» был не обузой. Он был священной коровой. Он был живым символом. Им гордились, ему сочувствовали, ему давали квартиры, деньги, дефицитные ткани и автомобили, просто потому что так было написано в протоколах и так велела совесть масс.

Майор украл у государства сало и папиросы. Завхоз украл бинты. Лейтенант Смирнов украл время, неправильно заполнив бумаги. Все воровали. Но воровали мелко, по-обывательски, с оглядкой.

А Вениамин Вайсман, глядя в потолок, решил, что он будет воровать по-крупному. Он будет воровать не кошельки в трамваях. Он будет воровать саму систему. Он будет играть на самых благородных, самых святых струнах человеческой души. Он станет тем, кого они сами захотят видеть. Героем. Легендой.

— Доктор, — позвал Веня на следующий день, когда Сергей Игнатьевич обходил палату. — Мне нужны фальшивые документы.

Доктор остановился, посмотрел на него поверх очков. — Ты бредишь, Вайсман.

— Нет, доктор. Мне нужны документы на имя капитана Кузнецова. Танкиста. Дважды Героя Советского Союза. Вы же врач, у вас есть связи в военкомате. Достаньте мне бланки. Я заплачу. У меня есть золотые часы, я их еще в Киеве у одного спекулянта снял, когда ноги были целы.

Доктор долго молчал. Он смотрел на этого человека, у которого не было ног, но в глазах которого горел такой холодный, расчетливый и безумный огонь, что хирургу стало не по себе.

— Ты понимаешь, что тебе за это будет? — тихо спросил доктор. — Расстрел. Или десять лет.

— Доктор, — улыбнулся Веня, и в этой улыбке уже не было ничего от прежнего, забитого лагерного зека. В ней было предвкушение великой игры. — Я уже отбыл свое. Я умер в тайге в феврале сорок четвертого. А тот, кто лежит перед вами — это капитан Кузнецов. И он очень хочет жить. Красиво.

Доктор вздохнул, поправил очки и кивнул.

— Часы оставь. Бланки будут. Но знай, Вениамин... ты играешь с огнем. И однажды этот огонь сожжет тебя дотла.

— Доктор, — ответил Веня, принимая из его рук стопку чистых, еще пахнущих типографской краской бланков, — я предпочитаю сгореть в пламени иллюзий, чем гнить в болоте реальности.

Так, в прокуренной палате провинциального эвакогоспиталя, под стук колес проходящего где-то вдалеке товарного состава, родился «король иллюзий». Вениамин Вайсман достал из-под подушки огрызок карандаша и начал писать свою первую, самую главную легенду.

А где-то в Москве, в высоких кабинетах наркоматов, еще не знали, что совсем скоро на их пороге появится человек на костылях, с двумя поддельными звездами на груди, и заберет у них всё. Но это будет потом. А пока зима сорок четвертого уходила, уступая место весне. И Вениамин чувствовал, что его настоящее путешествие только начинается.

Часть 2. Рождение легенды (1945–1946 годы)

Москва весной сорок пятого пахла сиренью, мокрой булыжной мостовой и победой. Город гудел, как улей после зимы. По Тверскому бульвару шли колонны демобилизованных, в витринах магазинов появились первые послевоенные товары — правда, такие, что на товар тянули с трудом, но сам факт их присутствия уже вселял оптимизм.

Вениамин Вайсман, он же капитан Кузнецов, дважды Герой Советского Союза, сидел на скамейке у Белорусского вокзала и наблюдал за жизнью. Рядом стояли его костыли — настоящие, деревянные, с резиновыми наконечниками, которые он раздобыл у завхоза госпиталя за те самые золотые часы. На груди блестели две медали «Золотая Звезда» и орден Красного Знамени. Всё это было подделкой высочайшего класса, выполненной в подвале одного московского ювелира, который за три пачки папирос и банку тушенки готов был изготовить даже орден Ленина с портретом Берии в виде Будды.

Вениамин достал из кармана пачку «Беломора», закурил и задумался. Документы у него были в порядке. Удостоверение к медалям, орденская книжка, направление из Наркомата обороны на лечение и последующее трудоустройство. Всё было прошито, заверено, с печатями и подписями. Печати, кстати, были особенно хороши — их делал бывший гравер МГОНа, который после войны потерял работу и пил запоями, а потому резал штампы с таким художественным совершенством, что иной настоящий нарком позавидовал бы.

— Гражданин инвалид, — раздался голос над ухом. — Вы почему на скамейке сидите? Вам же в доме инвалидов место положено.

Веня поднял глаза. Перед ним стоял лейтенант милиции, молодой, румяный, с глазами, полными сочувствия и служебного рвения.

— А я, товарищ лейтенант, — ответил Веня мягким, чуть хрипловатым голосом, в котором слышалась усталость фронтовика, — я из госпиталя только что. В Москву приехал. По делам.

— По каким делам? — нахмурился лейтенант.

Веня достал из внутреннего кармана пиджака удостоверение и протянул его. Лейтенант раскрыл, прочитал, и глаза его округлились.

— Дважды Герой? — прошептал он. — Под Берлином?

— Под Берлином, — кивнул Веня. — Танк горел. Экипаж вытаскивал. Ноги вот... — он махнул рукой в сторону пустых штанов. — Но ничего. Живем.

Лейтенант козырнул, причем сделал это с таким почтением, словно перед ним стоял сам Жуков.

— Товарищ капитан, простите великодушно! Я не знал. Вам, может, такси вызвать? В гостиницу отвезти?

— Не стоит беспокоиться, товарищ лейтенант. Я сам. Мне в Наркомат обороны нужно. По линии трудоустройства.

— Разрешите проводить?

— Благодарю. Но я сам, — Веня встал на костыли, и в этом движении была такая благородная скорбь, что лейтенант чуть не прослезился.

Первым наркоматом, куда направился Вениамин, был Наркомат речного флота. Выбор был не случаен. Веня, будучи человеком методичным, еще в госпитале составил список ведомств, где, по его расчетам, можно было получить наибольшую выгоду. Наркомат речного флота стоял на втором месте, после Наркомата черной металлургии.

Здание Наркомата на Французенко улице выглядело солидно. В холле пахло мастикой и дешевыми духами секретарш. Веня, прихрамывая на костылях, подошел к дежурному.

— Мне к наркому, — сказал он. — По личному вопросу. Фронтовик.

Дежурный, упитанный мужчина в расстегнутом воротнике рубашки, лениво поднял глаза.

— К наркому? Запись за три месяца. Кому передать?

— Капитан Кузнецов. Дважды Герой Советского Союза. Передайте, что по вопросу трудоустройства и жилья.

Дежурный хотел уже послать его куда подальше, но тут его взгляд упал на медали. Он вскочил, как ужаленный.

— Сидите, товарищ капитан! Я сейчас! Сам Зосима Маркович примет!

Через пятнадцать минут Веня уже сидел в кабинете наркома речного флота СССР Зосимы Шашкова. Сам нарком, человек с тяжелым, одутловатым лицом и мешками под глазами, сидел напротив и с благоговением смотрел на медали.

— Товарищ Кузнецов, — говорил Шашков, наливая Вене чай из самовара (самовар в наркомате был обязательным атрибутом, символом заботы о кадрах). — Мы все вам обязаны. Вы, фронтовики, кровь проливали, а мы тут в тылу...

— Что вы, Зосима Маркович, — скромно потупился Веня. — Мы все делали одно дело. Я вот теперь без ног, но работать хочу. Родине служить.

— Правильно! — Шашков ударил кулаком по столу. — Правильно! Государство вас не бросит. Что вам нужно? Работа? Жилье?

— Жилье, Зосима Маркович. В Москве прописки нет. А работать очень хочу.

— Будет вам жилье! — Шашков схватил телефонную трубку. — Алло, товарищ Петров? Это Шашков. Да. Найдите квартиру для фронтовика, дважды Героя. Капитан Кузнецов. Да, с удобствами. Не возражаю, найдите!

Веня пил чай и думал о том, как легко, оказывается, устроена жизнь. Нужно было просто надеть правильный мундир и сказать правильные слова. Система, эта огромная, неповоротливая машина, работала не на логику, а на ритуал. А он, Веня, стал мастером ритуала.

Через неделю у него была квартира в Москве, на Арбате. Двухкомнатная, с видом на двор-колодец. Не «Арагви», конечно, но для начала вполне прилично.

Следующей жертвой стал Наркомат лесной промышленности. Министр Михаил Салтыков, человек с окладистой бородой и привычкой говорить басом, принял Веню с еще большим энтузиазмом.

— Товарищ Кузнецов, — гремел Салтыков, — вы герой! Вы спасли экипаж! Это подвиг! Что вам нужно?

— Товарищ министр, — тихо сказал Веня, — мне бы одежду. Форму новую. А то эта, — он показал на потертый китель, — вся в дырках. Да и продуктов бы немного. У меня, знаете ли, аппетит после ранения хороший.

— Будет! — Салтыков снова схватился за телефон. — Товарищ Иванов! Немедленно выдайте капитану Кузнецову форму! Да, офицерскую! И продуктовый паек. На три месяца. Нет, на полгода! Он же дважды Герой!

Веня вышел из наркомата с новым кителем, сапогами, тремя килограммами сахара, двумя килограммами масла и банкой красной икры. На улице он остановился, достал папиросу и улыбнулся.

— Ну здравствуй, — прошептал он сам себе. — Ну здравствуй, родная.

К лету сорок шестого Веня уже обходил наркоматы с регулярностью хорошего бухгалтера. У него выработался свой стиль. Он никогда не просил денег напрямую — это было бы пошло и опасно. Он просил «помощи фронтовику», «поддержки», «заботы о раненом воине». И ему давали всё.

Министр финансов А. Г. Зверев, человек сухой и педантичный, выдал ему 53 тысячи рублей «на лечение и обустройство». Это была сумма, на которую в мирное время можно было купить три кооперативные квартиры. Зверев подписал распоряжение, даже не взглянув на документы — ему доложили, что Кузнецов спас под Берлином экипаж, и этого было достаточно.

Министр транспортного машиностроения В. А. Малышев подарил ему автомобиль «Победа». Правда, без бензина — бензин был по талонам, — но сам факт дарения был приятен.

Академик С. И. Вавилов, президент Академии наук, принял Веню в своем кабинете и, выслушав историю о подвиге под Берлином, распорядился выделить ему «научную стипендию для инвалидов войны» — 2000 рублей ежемесячно.

— Вы, товарищ Кузнецов, — сказал Вавилов, поправляя пенсне, — вы символ нашего народа. Ваш подвиг — это подвиг всей советской науки, которая создала танк Т-34.

— Благодарю вас, Сергей Иванович, — скромно потупился Веня. — Я просто делал свое дело.

Но не всё шло гладко. Однажды, в октябре сорок шестого, Веня пришел в Наркомат тяжелой промышленности. Министр Александр Ефремов, человек с цепким взглядом и привычкой задавать неудобные вопросы, принял его холодно.

— Капитан Кузнецов? — Ефремов листал документы. — Говорите, под Берлином танк горел?

— Так точно, товарищ министр.

— А в каком корпусе служили?

Веня не дрогнул. — В первом гвардейском танковом корпусе генерала Катукова.

— Интересненько, — Ефремов снял очки и протер их платком. — А я вот в сорок третьем в этом корпусе служил. Начальником штаба батальона. Не припомню такого Кузнецова.

Вене стало жарко. Но он не подал виду.

— Товарищ министр, — сказал он тихо, — я в госпитале долго лежал. После Берлина. Меня в часть не вернули, сразу в госпиталь. А потом... вы знаете, как бывает. Документы теряются, люди забывают.

Ефремов долго смотрел на него. В этом взгляде было что-то неприятное, что-то, от чего у Вени по спине пробежал холодок.

— Ладно, — сказал наконец министр. — Оформим вам помощь. Но вы зайдите через неделю. Я проверю ваши документы в архиве.

Веня вышел из наркомата и понял, что дело пахнет керосином. Ефремов не поверил. Или заподозрил. Нужно было уходить в тень.

Он не пришел через неделю. Он вообще перестал ходить в Наркомат тяжелой промышленности. Вместо этого он переключился на Киев — там его ждал секретарь ЦК Н. С. Патоличев, который уже распорядился выделить ему квартиру.

Но это будет в следующей части. А пока Вениамин Вайсман, он же капитан Кузнецов, сидел в своей московской квартире на Арбате, пил чай с вареньем и думал о том, как же, в сущности, проста жизнь. Нужно только надеть правильный мундир, сказать правильные слова — и система сама принесет тебе всё на блюдечке.

Он достал из ящика стола две медали «Золотая Звезда», положил их на ладонь и улыбнулся.

— Спасибо вам, товарищи министры, — прошептал он. — Спасибо за заботу о фронтовиках.

А где-то в Москве, в кабинете министра Ефремова, уже лежала записка на имя Сталина: «Товарищ Сталин, прошу обратить внимание на подозрительного инвалида, именующего себя капитаном Кузнецовым...»

Но это тоже будет потом. А пока осень сорок шестого уходила, уступая место зиме. И Вениамин чувствовал, что его настоящая игра только начинается.

Часть 3. Киевская эпопея и появление сыщика (1946–1947 годы)

Киев весной сорок седьмого был городом контрастов. С одной стороны — разрушенные здания, пустыри на месте бывших улиц, запах гари, который, казалось, въелся в сам воздух. С другой — возрождающаяся жизнь, первые кафе, рынки, где спекулянты продавали всё — от

немецких сапог до трофейных часов. И, конечно, бюрократия, которая, как феникс, восставала из пепла войны с удвоенной энергией.

Вениамин Вайсман, он же капитан Кузнецов, дважды Герой Советского Союза, прибыл в Киев с одной-единственной целью: получить квартиру. Не какую-нибудь, а хорошую. С видом на Днепр, с отдельным входом и, желательно, с мебелью.

Секретарь Центрального Комитета Никита Сергеевич Патоличев, человек с репутацией хозяйственника и педанта, принял Веню в своем кабинете в здании ЦК КП(б)У. Кабинет был просторным, с дубовым столом, портретом Сталина на стене и аквариумом в углу, где лениво плавали три золотые рыбки.

— Товарищ Кузнецов, — говорил Патоличев, листая документы, — я слышал о вашем подвиге. Дважды Герой, под Берлином... Это впечатляет.

— Спасибо, Никита Сергеевич, — скромно потупился Веня. — Я просто выполнял свой долг.

— Скромность украшает человека, — кивнул Патоличев. — Что вам нужно? Жилье?

— Жилье, Никита Сергеевич. В Москве у меня уже есть квартира, но Киев... Киев — это душа. Я хочу жить здесь. Работать на благо Украины.

Патоличев задумался. Он был человеком практичным и не любил раздавать квартиры налево и направо. Но дважды Герой — это святое. Это не какой-нибудь завскладом, который украл три мешка сахара.

— Хорошо, — сказал наконец Патоличев. — Я дам распоряжение. Вам выделяют квартиру в новом доме на Крещатике. Двухкомнатная, с удобствами. Устроит?

— Более чем, Никита Сергеевич! — Веня встал на костыли и протянул руку. — Благодарю вас от всего сердца!

Через две недели у Вени была квартира в Киеве. Правда, не на Крещатике — тот еще лежал в руинах, — а на улице Горького. Но зато с видом на сад, с паркетным полом и даже с роялем, который остался от бывших хозяев, уехавших в Польшу.

Веня осмотрел квартиру, прошелся по комнатам, постучал костылем по паркету и удовлетворенно кивнул.

— Неплохо, — прошептал он. — Очень неплохо.

Киевская прописка открыла перед Веней новые горизонты. Теперь он мог ездить по Украине, посещать местные наркоматы и министерства, получать помощь от республиканских чиновников. И он этим воспользовался с присущей ему энергией.

Министр пищевой промышленности УССР выделил ему пятьсот килограммов сахара, триста килограммов масла и двести банок консервов. Веня, конечно, не мог всё это съесть, поэтому часть он продавал спекулянтам на черном рынке, получая за это неплохие деньги.

Председатель Киевского горисполкома подарил ему мебельный гарнитур — диван, два кресла, шкаф и обеденный стол. Всё это было изготовлено из настоящего дерева, а не из фанеры, что в послевоенном Киеве было большой редкостью.

Местные академики, узнав о «герое под Берлином», собрали для него «научный фонд» — три тысячи рублей на «исследовательскую работу». Какую именно исследовательскую работу будет проводить безногий инвалид, никто не уточнял. Да это и не имело значения.

Веня жил на широкую ногу. Он ел в лучших ресторанах Киева, носил дорогие костюмы, сшитые у подпольного портного, и даже завел себе «сиделку» — молодую женщину по имени Зинаида, которая помогала ему передвигаться по городу и выполняла различные поручения. Зинаида была бывшей актрисой театра, потерявшей работу после войны, и согласилась на эту роль за триста рублей в месяц и продукты.

— Вениамин Борисович, — спрашивала она иногда, помогая ему сесть в такси, — а вы правда герой?

Веня смотрел на нее своими глубокими, чуть печальными глазами и отвечал:

— Зина, героизм — это понятие относительное. Кто-то герой на фронте, кто-то — в тылу. А я... я просто выживаю. Как и все мы.

Зинаида вздыхала и больше не спрашивала.

Но не всё было так гладко, как казалось. В Москве, в кабинете министра Ефремова, уже лежала та самая записка на имя Сталина. И Сталин, человек, который не любил, когда его дурачили, дал указание разобраться.

Разбираться поручили майору государственной безопасности Ивану Петровичу Громову, человеку с опытом, хваткой и репутацией одного из лучших сыщиков страны. Громов был человеком старой закалки — высокий, худой, с пронзительными серыми глазами и привычкой говорить тихо, но так, что его слышно было в любом конце комнаты.

Громов начал с того, что изучил все доступные материалы по «капитану Кузнецову». Документы выглядели безупречно. Печати, подписи, справки — всё было в порядке. Но Громов был опытным сыщиком и знал: если что-то выглядит слишком хорошо, значит, что-то здесь не так.

— Товарищ майор, — докладывал ему молодой лейтенант, — мы проверили первый гвардейский танковый корпус генерала Катуква. В списках личного состава за сорок четвертый год никакого Кузнецова нет.

— А если за сорок третий? — спросил Громов.

— Тоже нет.

— А если за сорок второй?

Лейтенант замялся. — Товарищ майор, архивы частично уничтожены во время войны. Но я могу запросить данные из центрального архива...

— Запрашивайте, — кивнул Громов. — И еще одно. Найдите мне всех, кто выдавал этому Кузнецову медали и удостоверения. Начните с Наркомата обороны.

Лейтенант козырнул и вышел. Громов остался один в своем кабинете и закурил. Он чувствовал, что распутывает клубок, который может оказаться намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Тем временем Веня, ничего не подозревая, продолжал свою игру. Он уже обходил не только наркоматы и министерства, но и различные фонды, комитеты, управления. Его легенда обрастала новыми деталями. Теперь он не просто спасал экипаж под Берлином — он еще и писал мемуары, которые планировал издать после войны.

— Товарищ Кузнецов, — говорил ему редактор одного московского журнала, — ваши воспоминания будут иметь огромную воспитательную ценность. Мы готовы выплатить вам аванс — десять тысяч рублей.

— Благодарю, — скромно кивал Веня. — Я постараюсь написать всё как можно точнее. Чтобы молодежь знала, какой ценой досталась победа.

Редактор умиленно смотрел на этого безногого героя, который, несмотря на свои увечья, нашел в себе силы писать книгу. Он даже не подозревал, что Веня не напишет ни строчки, а десять тысяч рублей потратит на покупку трофейных часов и духов для Зинаиды.

Но тучи сгущались. Однажды вечером, когда Веня возвращался из ресторана «Украина», где он ужинал с местными академиками, к нему подошел человек в штатском.

— Товарищ Кузнецов? — спросил человек.

— Да, — кивнул Веня. — А что?

— Меня зовут Иван Петрович. Я из Москвы. Можно с вами поговорить?

Веня посмотрел на него внимательно. Что-то в этом человеке ему не понравилось. Слишком спокойный, слишком уверенный. Не похоже на обычного обывателя.

— О чем поговорить? — спросил Веня.

— О ваших подвигах, — улыбнулся Громов. — Я слышал, вы под Берлином танк спасали. Очень интересная история. Хотел бы узнать подробности.

— А вы кто такой? — насторожился Веня.

— Я историк, — ответил Громов. — Пишу книгу о героях войны. Ваш подвиг — одна из центральных глав.

Веня расслабился. Историк — это не милиция. Историки любят героев, они не ищут подвоха.

— Хорошо, — кивнул он. — Заходите завтра в кафе на Крещатике. Расскажу всё, что помню.

— Договорились, — Громов кивнул и ушел.

Веня смотрел ему вслед и чувствовал, как внутри нарастает тревога. Что-то было не так. Этот «историк» выглядел слишком... профессионально. Слишком внимательно он смотрел. Слишком точно задавал вопросы.

— Зина, — сказал Веня, когда сел в такси. — Нам нужно уехать из Киева. На несколько дней.

— Почему? — удивилась Зинаида.

— Просто так, — отрезал Веня. — Чуйка у меня. Плохая чуйка.

Но уехать он не успел. На следующий день, когда Веня пришел в кафе на Крещатике, там его уже ждали. Не только Громов, но и двое сотрудников местной милиции.

— Товарищ Кузнецов, — сказал Громов, вставая из-за столика. — Прошу вас пройти с нами.

— Куда? — нахмурился Веня.

— В милицию. Для уточнения некоторых деталей вашей биографии.

Веня понял, что игра окончена. Но он не подал виду. Он спокойно встал на костыли и сказал:

— Хорошо. Пойдемте.

По дороге в милицееское управление Веня думал о том, как же всё-таки несправедлива жизнь. Только начал жить по-человечески, только почувствовал вкус к хорошей еде, дорогим костюмам и красивым женщинам — и на тебе, опять тюрьма, опять допросы, опять лагеря.

— Товарищ майор, — сказал он Громову, когда они шли по улице, — вы ведь не верите, что я герой, да?

Громов посмотрел на него и усмехнулся.

— Товарищ Кузнецов, я верю только документам. А документы, боюсь, у вас фальшивые.

— А если не фальшивые? — Веня улыбнулся. — Что тогда?

— Тогда я лично извинюсь и попрошу прощения, — ответил Громов. — Но боюсь, этого не случится.

Веня тоже улыбнулся.

— Посмотрим, товарищ майор. Посмотрим.

В милицеемском управлении Веню посадили в отдельную комнату и оставили одного. Он сидел на деревянном стуле, смотрел в стену и думал. Думал о том, как же всё-таки интересно устроена жизнь. Он обманул двадцать семь министров, получил квартиры, деньги, машины, продукты. Он жил как король. И всё это — потому что система сама хотела быть обманутой. Она хотела видеть в нем героя, символа, живую легенду. И он дал ей эту легенду.

— Ну что ж, — прошептал Веня сам себе. — Игра окончена. Но какая это была игра...

А за дверью уже стоял Громов с папкой документов в руках. В папке были фотографии настоящего капитана Кузнецова, который погиб под Берлином в апреле сорок пятого. В папке были показания ювелира, который делал фальшивые медали. В папке были признания завхоза госпиталя, который продал Вене бланки удостоверений.

Громов открыл дверь и вошел в комнату.

— Товарищ Вайсман, — сказал он. — Или мне вас называть Кузнецовым? Как вам удобнее?

Веня поднял глаза и усмехнулся.

— Называйте меня Вениамин, товарищ майор. Это мое настоящее имя. И, признаться, мне оно всегда нравилось больше.

Громов сел напротив него и раскрыл папку.

— Хорошо, Вениамин. Тогда давайте начнем с самого начала. С того дня, когда вы потеряли ноги в тайге.

Веня вздохнул и кивнул.

— Хорошо, товарищ майор. Начнем с самого начала.

И он начал рассказывать. Рассказывать всё — без утайки, без прикрас, без попыток оправдаться. Потому что он понимал: игра окончена. И теперь оставалось только одно — играть до конца. Честно.

Но это будет в следующей части. А пока осень сорок седьмого вступала в свои права, и листья на каштанах Крещатика начинали желтеть. И Вениамин Вайсман, он же капитан Кузнецов, он же «король иллюзий», сидел в милицеемской комнате и понимал, что его настоящая жизнь — та, которую он придумал для себя, — закончилась.

Начиналась другая жизнь. Жизнь в тюрьме. Жизнь без иллюзий.

Часть 4. Допрос, освобождение и последний визит (1947 год)

Допрос начался банально. Громов сидел за столом, заваленным папками, и курил «Казбек» за «Казбеком». Вениамин сидел напротив, на деревянном стуле, и с интересом разглядывал трещину на потолке. Трещина напоминала ему профиль Берии, что было, в общем-то, символично.

— Итак, товарищ Кузнецов, — начал Громов, выдыхая дым в сторону портрета Сталина.

— Расскажите мне про подвиг под Берлином. Подробно. С датами, фамилиями, координатами.

Веня вздохнул. Он ждал этого вопроса. Он готовился к нему всю дорогу от кафе до милицеемского управления.

— Товарищ майор, — сказал он тихо, с надрывом, — я не люблю вспоминать войну. Это тяжело. Но если вы настаиваете...

И он начал рассказывать. Рассказывал складно, подробно, с такими деталями, которые мог знать только человек, действительно там бывший. Он назвал фамилии погибших однополчан (их он вычитал из послевоенных некрологов в газете «Красная Звезда»), описал тактику наступления танкового корпуса, рассказал, как горел бензин в баках и как пахнет паленая человеческая плоть.

Громов слушал внимательно. Он был опытным сыщиком и знал, когда человек врёт, а когда говорит правду. Но Веня... Веня говорил так, словно сам верил в свою легенду. Это было искусство высшего класса.

— А почему, — спросил наконец Громов, — в списках первого гвардейского танкового корпуса нет вашего имени?

Веня грустно улыбнулся.

— Товарищ майор, а вы знаете, что такое война? Это когда документы горят вместе с штабами. Наш штаб в апреле сорок пятого попал под артобстрел. Половина бумаг сгорела. Я сам видел, как лейтенант связи вытаскивал из огня сейф с личными делами. Но не успел. Половина дел сгорела. В том числе и мое.

Громов нахмурился. Эта версия была правдоподобной. Действительно, в сорок пятом многие документы были утеряны.

— А медали? — продолжал допрос Громов. — Вам их когда вручили?

— В госпитале, — ответил Веня. — В сорок четвертом. Приехал представитель Наркомата обороны, вручил. Сказал, что за подвиг. Я тогда еще в сознании был, хоть и без ног.

— А кто был этот представитель?

Веня пожал плечами.

— Не помню. Полковник какой-то. Фамилию не запомнил. Я тогда морфин ел, мне не до фамилий было.

Громов закурил новую папиросу от окурка старой. Он чувствовал, что загнан в угол. Документы были идеальны. Печати — настоящие (точнее, подделаны так хорошо, что отличить было невозможно). Подписи — соответствующие. Легенда — стройная. А главное — у него не было никаких доказательств обратного. Только интуиция. А на интуиции в сорок седьмом году далеко не уедешь.

— Ладно, — сказал наконец Громов. — Пока вы свободны. Но я буду за вами следить.

— Я не против, — кивнул Веня. — Я же ничего плохого не сделал. Я герой.

Громов посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этом взгляде было всё: и понимание, что перед ним опасный преступник, и бессильная злость от того, что доказать это невозможно, и даже какое-то странное уважение к этому безногому человеку, который осмелился обмануть всю страну.

— Вениамин Борисович, — тихо сказал Громов. — Я знаю, что вы лжете. Я не знаю как, но я это знаю. И однажды вы попадетесь.

— Может быть, — ответил Веня, вставая на костыли. — А может быть, нет. Время покажет, товарищ майор. Время покажет.

Веню отпустили. Формально — за недостатком улик. Фактически — потому что Громов понимал: если он сейчас его арестует, а потом выяснится, что Кузнецов настоящий герой, ему конец. Карьера, погоны, свобода — всё полетит к чертям. А так... пусть гуляет. Рано или поздно он совершит ошибку.

Веня уехал из Киева в тот же вечер. Он сел в поезд до Москвы и всю дорогу не спал. Он думал о том, что нужно залечь на дно. Перестать ходить по наркоматам. Перестать просить деньги, квартиры, машины. Нужно просто тихо жить на ту квартиру, что ему дали, и не высываться.

Но жадность — страшная вещь. Особенно когда ты привык к хорошей жизни.

В Москве он провел месяц тихо. Ел дома, гулял по Арбату, читал книги. Но деньги кончались. Пятьдесят три тысячи, полученные у Зверева, уже были потрачены на костюмы, рестораны, подарки Зинаиде. Оставалось всего две тысячи. А на две тысячи в Москве сорок седьмого года далеко не уедешь.

И Веня решил: еще один визит. Последний. К министру тяжелой промышленности Ефремову. Ефремов — человек новый, он не должен знать о киевских разборках. А если и знает, то Веня выкрутится. Он всегда выкручивался.

Ефремов принял его в своем кабинете на улице Жданова. Кабинет был просторный, с дубовым столом, портретом Сталина и аквариумом, в котором плавали какие-то экзотические рыбы.

— Товарищ Кузнецов, — сказал Ефремов, не поднимая глаз от бумаг. — Садитесь.

Веня сел. Ефремов продолжал писать. Минута молчания. Две. Три. Веня начал нервничать.

— Я слышал о вас, — сказал наконец Ефремов, откладывая ручку. — Дважды Герой. Под Берлином. Очень интересно.

— Спасибо, товарищ министр, — скромно кивнул Веня.

— А я вот что хочу спросить, — Ефремов снял очки и посмотрел на Веню своими цепкими, серыми глазами. — Вы ведь в первом гвардейском танковом корпусе служили?

— Так точно, товарищ министр.

— А я в сорок третьем там же служил. Начальником штаба батальона.

Вене стало холодно. Он понял, что попал.

— И вот что странно, — продолжал Ефремов. — Я всех офицеров корпуса помню. Всех до единого. А вас — не помню. Странно, не находите?

Веня собрался с мыслями. Нужно было выкручиваться.

— Товарищ министр, — сказал он тихо, — я вас понимаю. Но вы же понимаете, война — это не парад. Люди гибли тысячами. Документы горели. Я мог вас не знать, а вы меня — тем более.

Ефремов усмехнулся.

— Может быть. А может, вы и не Кузнецов вовсе?

Веня понял: всё. Конец. Ефремов не верит. Ефремов знает.

Но он не подал виду. Он достал из кармана удостоверение, положил его на стол и сказал:

— Товарищ министр, вот мои документы. Проверьте. Если я лгу — расстреляйте меня.

Но я не лгу.

Ефремов посмотрел на удостоверение, потом на Веню. И вдруг улыбнулся.

— Знаете что, товарищ Кузнецов? — сказал он. — Я вам сейчас расскажу одну историю.

Веня напрягся.

— Неделию назад, — продолжал Ефремов, — ко мне пришел один человек. Майор госбезопасности. Рассказал мне про одного безногого мошенника, который обходит наркоматы и выманивает деньги, квартиры, машины. Называется дважды Героем. Фамилия... ну, не важно.

Веня понял: Громов. Громов его сдал.

— И вот что интересно, — продолжал Ефремов. — Майор сказал, что этот мошенник обязательно придет ко мне. Потому что я — последний министр, у которого он еще не был. И знаете что? Он не ошибся.

Веня сидел молча. Он понимал, что игра окончена. Но он не собирался сдаваться без боя.

— Товарищ министр, — сказал он тихо. — Я не знаю, кто вам это рассказал. Но это ложь. Я — Кузнецов. Дважды Герой. И если вы не верите — проверьте мои документы.

— Я уже проверил, — отрезал Ефремов. — И знаете что? Они фальшивые. Печати — поддельные. Подписи — поддельные. А медали ваши — так это вообще работа какого-то подвального ювелира. Я знаю, где их делали.

Веня закрыл глаза. Всё. Конец.

— Вениамин Борисович Вайсман, — сказал Ефремов. — Или как там вас зовут на самом деле. Вы арестованы.

Дверь открылась, и в кабинет вошли двое милиционеров.

— Товарищ министр, — сказал Веня, вставая на костыли. — Можно мне закурить?

Ефремов кивнул. Веня достал папиросу, закурил и посмотрел на министра.

— Знаете, что, товарищ Ефремов? — сказал он. — Вы — первый человек, который меня раскусил. Я вам даже благодарен. Надоело врать.

Ефремов посмотрел на него с каким-то странным выражением. В этом выражении было и презрение, и... уважение? К человеку, который осмелился обмануть всю страну?

— Уведите его, — сказал Ефремов милиционерам.

Вениамина Вайсмана, он же Кузнецова, он же «короля иллюзий», вывели из кабинета министра и посадили в черный «эмчэс». Он сидел на заднем сиденье, смотрел в окно и думал о том, как же всё-таки несправедлива жизнь. Только начал жить по-человечески — и на тебе.

Но самое обидное было не в том, что его арестовали. Самое обидное было в том, что его раскусил какой-то Ефремов. Какой-то министр тяжелой промышленности, который, наверное, даже не знает, как правильно варить яйца всмятку.

— Ну ничего, — прошептал Веня сам себе. — Посидим. Отсидим. И снова выйдем.

А машина уже мчалась по Москве, увозя «короля иллюзий» в его новую, последнюю резиденцию — тюрьму. Но это будет в следующей части. А пока Москва провожала осень сорок седьмого года, и листья на деревьях начинали желтеть. И Вениамин Вайсман, он же капитан Кузнецов, он же «король иллюзий», сидел в черном «эмчэс» и понимал, что его настоящая игра — та, которую он вел с системой, — закончилась.

Начиналась другая игра. Игра с самим собой. Игра на выживание. И Вениамин чувствовал, что он еще не сказал своего последнего слова.

Часть 5. Суд, лагеря и последняя явка (1947–1961 годы)

Суд над Вениамином Вайсманом состоялся в январе сорок восьмого года. Это был не обычный суд — дело рассматривало Особое совещание при НКВД СССР, орган, который не имел права на амнистию и не любил публичности. Слишком уж неудобно было выносить на свет божий историю о том, как безногий мошенник обманул двадцать семь министров. Это бросало тень не только на министров, но и на всю систему, которая позволяла таким фокусам происходить.

Заседание проходило в маленьком зале на Лубянке. Присутствовали: председатель — генерал-майор с лицом, похожим на вареный пельмень, два члена совещания — полковники с одинаково усталыми глазами, секретарь — молодая женщина в очках, которая быстро стучала на машинке, и сам Вениамин, сидящий на стуле между двумя конвойными.

— Вениамин Борисович Вайсман, — начал генерал, листая папку. — Вы обвиняетесь в мошенничестве в особо крупных размерах, подделке документов, присвоении звания Героя Советского Союза и хищении государственного имущества. Признаете себя виновным?

Веня сидел прямо, несмотря на отсутствие ног. Он выглядел усталым, но не сломленным. На нем был старый ватник, который пах камерой и дешевым мылом.

— Товарищ генерал, — сказал он спокойно, — я признаю себя виновным частично. Да, я подделал документы. Да, я называл себя Кузнецовым. Но я не крал у государства. Мне давали. Сами давали. Я не просил — мне предлагали.

Генерал нахмурился.

— Вайсман, не юлите. Вы обманули двадцать семь наркомов и министров. Вы получили пятьдесят три тысячи рублей от министра финансов. Вы получили квартиру в Киеве. Вы получили автомобиль. Это не «давали». Это вы выманили.

— Товарищ генерал, — Веня улыбнулся тонкой улыбкой, — я не выманивал. Я просто играл роль, которую от меня ожидали. Если министр финансов дает деньги дважды Герою, значит, он считает, что этот Герой их заслужил. Я не заставлял его. Я просто был тем, кем он хотел меня видеть.

Генерал ударил кулаком по столу.

— Хватит философии! Вы — мошенник и вор. И вы понесете наказание.

— Я готов понести наказание, — кивнул Веня. — Но я хочу, чтобы вы поняли одну вещь. Я не преступник. Я — зеркало. Я показал вам, насколько легко обмануть систему, если играть на её собственных стереотипах. Я не взламывал замки — вы сами открыли мне двери.

Генерал посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этом взгляде было что-то странное — не только злость, но и... понимание? Может быть, генерал сам когда-то думал о том, насколько абсурдна эта система, где бумага важнее человека, где мундир закрывает любые грехи, где дважды Герой может быть кем угодно, лишь бы на груди блестели медали.

— Особое совещание приговаривает вас к девяти годам лишения свободы, — сказал наконец генерал. — Срок будет отбываться в исправительно-трудовом лагере.

Веня кивнул. Девять лет. Это было даже меньше, чем он ожидал. Видимо, система не хотела слишком сильно наказывать человека, который так ловко её обманул. Это было бы признанием собственной глупости.

— Спасибо, товарищ генерал, — сказал Веня, вставая на костыли. — Я отсижу. И вернусь.

— Надеюсь, вы вернетесь другим человеком, — сухо сказал генерал.

Веня усмехнулся.

— Нет, товарищ генерал. Я вернусь таким же. Просто немного старше.

Лагеря сорок восьмого года были не такими, как в тридцать седьмом. Война изменила всё — даже тюрьмы. В бараках сидели бывшие фронтовики, полицейские, коллаборационисты, спекулянты, воры. Контингент был пестрый, шумный, опасный.

Вениамина отправили в лагерь под Карагандой. Это был обычный трудовой лагерь, где заключенные добывали уголь. Но Веня не мог работать в шахте — у него не было ног. Поэтому его определили в лагерную канцелярию, где он должен был вести учет заключенных и составлять отчеты для начальства.

Это была ирония судьбы — бывший мошенник, который обманывал министров, теперь сидел в пыльной конуре и переписывал фамилии зеков в амбарные книги. Но Веня не роптал. Он понимал: это его наказание. И он отбудет его с достоинством.

В канцелярии он познакомился с бывшим майором интендантской службы по фамилии Козловский. Козловский сидел за растрату — он «потерял» на складах три вагона муки и продал её колхозникам за золото и драгоценности. Козловский был человеком циничным, опытным, с привычкой говорить тихо и смотреть на всех свысока.

— Слышал про тебя, Вайсман, — сказал Козловский в первый же день. — Двадцать семь министров обманул. Уважаю. Но зачем тебе это было? Ты же мог просто жить тихо.

Веня посмотрел на него и усмехнулся.

— Товарищ Козловский, я не мог жить тихо. Я — артист. Мне нужна сцена. А наркоматы и министерства — это была моя сцена.

— Ну и наигрался, — кивнул Козловский. — Теперь вот сидишь. И будешь сидеть еще девять лет.

— Девять лет — это не вечность, — ответил Веня. — Я уже сидел. И буду сидеть еще. Но я не сломаюсь.

Козловский посмотрел на него внимательно.

— Ты странный, Вайсман. У тебя нет ног, но ты ходишь по жизни так, словно у тебя их десять.

Веня улыбнулся.

— Товарищ Козловский, ноги — это не главное. Главное — это голова. А у меня голова на плечах. Пока на плечах.

Девять лет прошли, как один длинный, серым день. Веня вел учет заключенных, составлял отчеты, получал пайку. Он не воровал, не скандалил, не пытался бежать. Он просто жил. Читал книги, которые приносили ему из лагерной библиотеки, писал в тетрадке свои воспоминания (настоящие, не те, что он рассказывал министрам), думал о будущем.

В сорок седьмом, когда он сидел в милицейской комнате в Киеве, он думал, что его игра окончена. Но теперь, в сорок восьмом, сидя в лагерной канцелярии, он понимал: игра только началась. Он научился чему-то важному — терпению. Раньше он был нетерпелив, жаден, стремился получить всё и сразу. Теперь он понял: нужно ждать. Нужно быть готовым к тому, что жизнь подбросит тебе новый шанс. И когда этот шанс появится, нужно быть готовым его использовать.

В пятьдесят шестом году, после смерти Сталина и начала хрущевской оттепели, Вениамина освободили. Он вышел из лагеря с паспортом в руках, с тремя тысячами рублей в кармане (это были его сбережения, которые он копил девять лет, продавая другим зекам папиросы и хлеб) и с чувством, что он снова свободен.

Он сел в поезд до Москвы. Ехал три дня, сидел у окна и смотрел на пролетающие мимо поля, леса, деревни. Всё изменилось. Деревни стали беднее, города — серее. Но люди... люди были другими. Они улыбались чаще. Говорили громче. Жили... живее.

В Москве он остановился у бывшей Зинаиды — той самой «сиделки», которая помогала ему в Киеве. Зинаида уже не была актрисой — она работала уборщицей в театре, вышла замуж за какого-то инженера, родила двоих детей. Но она помнила Веню. И она не забыла, как он платил ей триста рублей в месяц и давал продукты.

— Венечка, — сказала она, обнимая его. — Ты вернулся. Я так рада.

— Я вернулся, Зина, — кивнул Веня. — И я хочу начать новую жизнь.

— Начни, — вздохнула Зинаида. — Только не делай глупостей. Ты уже старый. Тебе шестьдесят два года. Куда тебе?

Веня усмехнулся.

— Зина, возраст — это не главное. Главное — это голова. А у меня голова на плечах.

Но новая жизнь не задалась. Веня попробовал устроиться на работу — но кто возьмет безногого инвалида? Он попробовал жить на пенсию — но пенсии не хватало даже на еду. Он попробовал вернуться к старой жизни — но старые связи исчезли, старые друзья либо умерли, либо сидели, либо разбежались.

И тогда Веня совершил свою последнюю глупость. Он пошел на Курский вокзал и украл кошелек у какой-то женщины. Не потому что он был жадным. А потому что он не мог по-другому. Он был вором. Это было в его крови. Это было его призвание.

Его поймали через два дня. Суд был коротким — три года. Веня не сопротивлялся. Он понимал: это его наказание за то, что он не смог измениться.

Три года прошли быстрее, чем девять. В пятьдесят девятом его освободили. Он вышел из лагеря и понял: всё. Хватит. Он больше не будет воровать. Он больше не будет обманывать. Он хочет просто жить. Тихо. Спокойно. Без иллюзий.

В шестьдесят первом году, в середине апреля, Вениамин Вайсман пришел в здание МУРа на Петровке. Он приехал на такси, в костюме, который был уже стар, но еще чист. На груди у него не было медалей — он их давно продал. В руках он держал небольшую сумку, в которой были его документы, триста рублей и пачка папирос.

Он вошел в здание, подошел к дежурному и сказал:

— Мне нужно поговорить с начальником уголовного розыска. По личному делу.

Дежурный посмотрел на него с подозрением.

— А вы кто такой?

— Меня зовут Вениамин Вайсман. Я... я был известен как Веня Житомирский. Я хочу сдаться.

Дежурный округлил глаза.

— Веня Житомирский? Тот самый? Который министров обманул?

— Тот самый, — кивнул Веня. — Ведите меня к начальнику.

Через час Веня сидел в кабинете начальника уголовного розыска МУРа, полковника Иванова. Иванов был человеком молодым, энергичным, с привычкой говорить быстро и по делу.

— Товарищ Вайсман, — сказал Иванов, листая его личное дело. — Вы понимаете, что вы пришли не просто сдаться. Вы пришли с повинной. Это значит, что вы признаете себя виновным во всех преступлениях, которые совершили.

— Я признаю, — кивнул Веня. — Я обманывал. Я воровал. Я подделывал документы. Я заслуживаю наказания.

— Но зачем вы пришли? — спросил Иванов. — Вы могли бы просто жить тихо. Никто бы вас не нашел.

Веня посмотрел на него и усмехнулся.

— Товарищ полковник, я устал. Я устал врать. Я устал прятаться. Я устал быть тем, кем я не являюсь. Я хочу просто жить. Тихо. Спокойно. Без иллюзий.

Иванов посмотрел на него долгим, тяжелым взглядом. В этом взгляде было что-то странное — не только подозрение, но и... понимание? Может быть, полковник сам когда-то думал о том, насколько тяжело жить в этой стране, где нужно врать, чтобы выжить.

— Хорошо, — сказал наконец Иванов. — Я приму вашу повинную. Но я хочу вам помочь. Вы — инвалид. Вы больны туберкулезом. Вам нужно лечение. Я могу устроить вас в дом инвалидов. Там вы сможете прожить остаток жизни спокойно.

Веня посмотрел на него с благодарностью.

— Спасибо, товарищ полковник. Я согласен.

Дом инвалидов находился в Оренбургской области. Это было маленькое, серое здание на окраине города, с садом, в котором росли яблони и сирень. Вениамина поселили в отдельную комнату — маленькую, но чистую, с кроватью, столом и стулом. Окно выходило на сад.

Веня жил тихо. Он читал книги, которые приносила ему библиотекарь, гулял по саду, разговаривал с другими инвалидами. Он не воровал. Он не обманывал. Он просто жил.

Но однажды, через полгода после того, как он поселился в доме инвалидов, он заметил странное. Директор дома, человек по фамилии Сидоров, постоянно куда-то уезжал, привозил какие-то коробки, прятал их в своем кабинете. Веня, который всю жизнь был наблюдательным,

заметил, что Сидоров продает продукты, которые предназначены для инвалидов, на черном рынке.

Веня думал два дня. Потом он взял лист бумаги, ручку и написал заявление. Он описал всё — как Сидоров продает продукты, как он ворует у инвалидов, как он обманывает государство.

Он отнес заявление в местную милицию. Через неделю Сидорова арестовали. Директора дома инвалидов посадили за мошенничество.

Когда Веню вызвали в милицию для дачи показаний, молодой лейтенант посмотрел на него с удивлением.

— Товарищ Вайсман, а зачем вы это сделали? Вы же сами были мошенником. Почему вы сдали своего коллегу?

Веня посмотрел на него и усмехнулся.

— Товарищ лейтенант, я не был мошенником. Я был артистом. А Сидоров — просто вор. Я не люблю воров. Я люблю артистов.

Лейтенант посмотрел на него с непониманием. Но Веня не стал объяснять. Он просто встал на костыли и вышел из кабинета.

Вениамин Вайсман умер в шестьдесят девятом году. Он умер тихо, в своей комнате, в доме инвалидов. На столе лежала открытая книга — «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова. На странице было заложено перо.

Похоронили его на местном кладбище. На могиле поставили простой деревянный крест с надписью: «Вениамин Борисович Вайсман. 1914–1969».

Никто не пришел на похороны. Только библиотекарь, которая приносила ему книги. И старый сторож, который копал могилу.

— Станный был человек, — сказал сторож библиотекарю. — Безногий, а ходил по жизни так, словно у него их десять.

Библиотекарь кивнула.

— Да, — сказала она. — Станный. Но интересный.

А где-то в Москве, в здании МУРа на Петровке, полковник Иванов сидел в своем кабинете и листал старое дело Вениамина Вайсмана. Он думал о том, как же всё-таки странно устроена жизнь. Этот человек обманул двадцать семь министров, получил квартиры, деньги, машины. Он был королем иллюзий. А умер — в доме инвалидов, в забвении, в нищете.

Но самое странное было не в этом. Самое странное было в том, что Иванов, несмотря на то, что был сыщиком, несмотря на то, что посадил Вайсмана в тюрьму, испытывал к нему странное чувство. Не уважение. Не жалость. А что-то другое. Что-то, что он не мог назвать.

Может быть, это было понимание. Понимание того, что Вениамин Вайсман был не просто мошенником. Он был зеркалом. Зеркалом, в котором отразилась вся страна — со всеми её пороками, слабостями, иллюзиями.

Иванов закрыл папку и посмотрел в окно. За окном была осень. Листья на деревьях желтели. И где-то далеко, в Оренбургской области, на маленьком кладбище, стоял простой деревянный крест с надписью: «Вениамин Борисович Вайсман. 1914–1969».

Король иллюзий умер. Но его легенда осталась. И, может быть, именно это было самым главным. Потому что в этой стране, где всё было иллюзией, легенда была единственным, что оставалось навсегда.

Дело «Дважды лжегероя» (1946–1947 годы)

Часть 1. Рождение легенды (осень 1946 — зима 1947 года)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.